

Николай Гумилёв

СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор.
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашёл уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости.
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

Жемчуга, 1910

Nikolaj Gumiljov

STARÝ KONKVISTADOR

Zacházel stále hloub a hloub do hor
starý konkvistador, zbloudil zcela,
v mlžném nebi plachtil dravý kondor,
strmě lavinová stěna čněla.

Osm dní se vláčel bez potravy,
kůň mu zdechl, a tu našel stmělý
koutek v skalách, kde moh složit hlavu
a kde s mrtvým druhem osaměli.

Tam žil v stínu suchých fíkovníků,
zpíval o slunečné Kastilii
a vzpomínal na zápasy s býky,
mantily a ženy vznosných šjí.

Jako vždy byl smělý, vyrovnaný,
neštván hrůzou ani zbytečnostmi,
když smrt přišla, obrátil se na ni;
Zahrejme si ve vrhcáby zvánělými kostmi!

Perly, 1910
Přeložil **Jaroslav Kabíček**

Николай Гумильов

СТАРИЯТ КОНКВИСТАДОР

В краища неведоми попадна
стариат конквистадор, където
плуваха кондори и грамадни
планини стърчаха до небето.

Без троха скита се осем дена,
но когато конят не изтрая,
канара намери извисена
и остана там с трупа до края

под една смоковница в покой. И
пееше за старата Севиля.
Виждаше любовниците свои,
виждаше се с шапка и с мантиля...

Нито злост, ни ужас, ни отвъдна
участ го гнетяха. Най-накрая,
стиснал зар, съзря Смъртта, помръдна
и предложи да си поиграят.

Перли, 1910

Превод: **Бойко Ламбовски**

Николай Гумильов

СТАРИЯТ КОНКВИСТАДОР

Бродещ в планините непознати,
стар конквистадор без път остана,
плаваха кондори в небесата
и грамади снежни го обхванаха.

Осем дни без залък хляб се скита,
конят му издъхна, но тогава
жилище му станаха скалите –
своя кон любим да не оставя.

Под смокиня суха заживя и ето –
песни пяха за слънчева Кастилия,
спомняше любовниците, боевете,
виждаше ту шпаги, ту мантили.

Той остана дързък и спокоен,
злост и ужас не позна докрая.
Щом дойде смъртта, предложи войнът
с костите барбут да поиграят.

Перли, 1910

Превод: **Георги Рупчев**